

Говард Филлипс Лавкрафт

Из потустороннего мира

(From Beyond)

Ужасная, невообразимая перемена произошла с моим лучшим другом Крофордом Тиллингхастом. Я не виделся с ним с того памятного дня два с половиной месяца тому назад, когда он открыл мне, какую цель преследуют его физические и метафизические исследования. В ответ на мои исполненные благоговейного страха возражения и увещевания он в порыве фанатической ярости просто выставил меня из лаборатории и из дома. Я знал, что Крофорд почти все время проводит, запершись в мансарде, в своей лаборатории, наедине с проклятой электрической машиной, слуг отпустил, почти ничего не ест, но мне и в голову не приходило, что за два с половиной месяца с человеком может произойти такая перемена. Меня неприятно поразило, что мой друг, человек плотного телосложения, стал худым как щепка, но еще больше – обвислая кожа серовато-желтоватого цвета, запавшие глаза с жутковатым огоньком и темными кругами под ними, морщинистый лоб со вздувшимися венами и трясущиеся руки. Ко всему прочему он был отталкивающе, вопиюще неопрятен в одежде, седые у корней волосы висели патлами, на лице, прежде гладко выбритом, выросла неряшливая седая щетина. Я пришел в шок от одного лишь вида Крофорда Тиллингхаста, когда, получив его сумбурное послание, явился в его дом через два с половиной месяца после изгнания. Передо мной стоял дрожащий призрак со свечой в руке. Он опасливо поглядывал через плечо, будто страшился чего-то невидимого в своем старом одиноком доме в глубине Беневолент-стрит.

Начнем с того, что Крофорду Тиллингхасту вообще не следовало заниматься наукой и философией. Они – удел хладнокровного беспристрастного исследователя, ибо предлагают две одинаково трагические альтернативы нервному деятельному человеку – отчаяние, если его поиск не увенчался успехом, и невообразимый непередаваемый ужас, если увенчался. Ранее Тиллингхаст был жертвой неудачи и пребывал в одиночестве и меланхолии, теперь же, как подсказывал мне собственный мерзкий страх, он стал жертвой успеха. Я предупреждал его об этом при нашей последней встрече, когда он поделился со мной переживаниями по поводу своего будущего открытия. Тогда он был очень возбужден и взволнован и говорил неестественно высоким голосом, хоть и в своей обычной педантичной манере.

– Что нам известно о мире, о Вселенной вокруг нас? – рассуждал он. – У нас абсурдно мало средств получения информации, и наши понятия об окружающих нас предметах чрезвычайно ограничены. Мы видим предметы так, как позволяет наше восприятие, и совершенно не постигаем их абсолютную природу. Мы, наделенные пятью жалкими чувствами, притворяемся, что понимаем бесконечно сложный космос. А другие существа, с более широким и сильным спектром восприятия, с другим пределом восприятия, не только видят в ином ракурсе то, что видим мы, но и изучают целые миры материи, энергии, жизни возле нас, которые не могут обнаружить наши рецепторы. Я всегда знал: эти странные, непостижимые миры

находятся рядом, а теперь верю, что нашел способ сломать барьеры. Я не шучу. За двадцать четыре часа эта машина возле стола создаст волны, способные воздействовать на неизвестные нам органы чувств, существующие в нас как атрофированные или рудиментарные остатки. Такие волны откроют нам перспективы, недоступные человеку, и несколько таких, которые недоступны всему, что именуется органической жизнью. Мы увидим то, на что лают собаки в темноте, вострят уши кошки. Мы увидим это и другое, чего не доводилось еще увидеть простому смертному. Мы преодолеем время и пространство и, не сходя с места, проникнем в святая святых мироздания.

Когда Тиллингхаст произнес эти слова, я принялся его отговаривать: я слишком хорошо его знал, и подобные заявления не позабавили меня, а испугали, но фанатик выгнал меня из дому. Он и остался фанатиком, но желание высказаться оказалось сильнее злости, и Тиллингхаст настоятельно просил меня прийти. Я едва распознал его почерк. Когда я вошел в дом своего друга, внезапно превратившегося в дрожащую химеру, меня охватил страх. Казалось, он крадется ко мне из темноты. Слова и идеи, высказанные Тиллингхастом при последней встрече, казалось, нашли воплощение в темноте за пределами небольшого освещенного свечкой круга, и у меня стало мутно на душе от глухого изменившегося голоса хозяина дома. Я осведомился о слугах и огорчился, узнав, что все они ушли три дня тому назад. Мне показалось странным, что даже старый Грегори покинул хозяина, не сказав об этом ни слова мне, преданному другу Тиллингхаста. Ведь именно у него я получал все сведения о Тиллингхасте после того, как он в ярости выгнал меня.

Но вскоре растущее любопытство помогло мне преодолеть страх. Я мог только догадываться, зачем я вдруг понадобился Крофорду Тиллингхасту, но он, несомненно, собирался доверить мне какую-то чрезвычайно важную тайну или открытие.

Раньше его нездоровый интерес к непознаваемому вызывал у меня чувство протеста, но теперь, когда он явно добился каких-то успехов, я почти разделял его энтузиазм, хоть победа далась ему дорогой ценой. Я поднимался в мансарду пустого темного дома в неверном свете свечи, дрожавшей в руке этого жалкого подобия человека. Электричество, казалось, было отключено во всем доме, и, когда я осведомился об этом у хозяина, он ответил, что на то есть веская причина.

– Это было бы слишком... Я бы не решился, – пробормотал Тиллингхаст.

Я сразу отметил его новую манеру что-то бормотать себе под нос, раньше он не имел обыкновения разговаривать с самим собой. Наконец мы вошли в лабораторию, располагавшуюся в мансарде, и я увидел ненавистную мне электрическую машину. От нее исходило призрачное зловещее сияние голубоватого цвета. Машина была подсоединена к мощной химической батарее, но на первый взгляд не получала никакого тока. Я вспомнил, что в начале эксперимента она трещала и шумела при работе. В ответ на мой вопрос Тиллингхаст пробормотал, что это постоянное свечение не электрического происхождения в том смысле, как я его понимаю.

Он усадил меня справа от машины и повернул групповой выключатель. Обычное

шипение перешло в жалобный вой и завершилось мягким жужжанием, будто предваряющим тишину. Тем временем свечение сначала усилилось, потом уменьшилось и наконец приобрело бледный оттенок столь удивительного цвета, что я не берусь его описать. От Тиллингхаста, не спускавшего с меня глаз, не укрылось мое замешательство.

– Ты понимаешь, что это такое? – спросил он шепотом. – Это ультрафиолетовое излучение. – Тиллингхаст хихикнул, заметив мое удивление. – Ты полагал, что ультрафиолетовое излучение невидимо, – так оно и есть, но сейчас ты можешь увидеть его и многое другое.

Слушай меня внимательно. Волны этой машины пробуждают в нас тысячу дремлющих чувств – чувств, которые мы приобрели за тысячелетия эволюции, от разрозненных атомов до высокоорганизованной материи, какой является человек. Я увидел истину и намереваюсь показать ее тебе. Хочешь знать, в чем она заключается? Я тебе расскажу. – Тиллингхаст уселся прямо против меня, задул единственную свечу и вперился в меня жутковатым взглядом. – Известные органы чувств, в первую очередь, как я полагаю, уши, получают массу слуховых впечатлений, потому что они напрямую связаны с органами чувств, как бы пребывающими в спячке. Но они существуют. Ты когда-нибудь слышал о шишковидной железе? У меня вызывают смех наши примитивные эндокринологи, эти простофили, парвеню фрейдистского толка. Шишковидная железа – самый важный орган чувственного восприятия, и это открыл я. Она, эта железа, – наше «внутреннее око», именно она передает зрительное изображение в мозг. Если у человека нет отклонений, он именно таким образом получает большую часть информации... Я имею в виду информацию из потустороннего мира.

Я обвел взглядом огромную мансарду со скошенной южной стеной, тускло освещенную лучами, недоступными невооруженному глазу. Тени залегли в дальних углах, и будто исчезла истинная природа вещей, все окуталось дымкой нереальности, побуждающей воображение создавать фантомы. Когда Тиллингхаст прервал свой рассказ, я вообразил себя в огромном диковинном храме, воздвигнутом в честь давно умерших богов. Неисчислимы черные колонны уходили от влажного каменного пола в запредельную небесную высь. Я очень ярко представил себе эту картину, а потом она сменилась другой, более страшной. Я вдруг ощутил свое полное, абсолютное одиночество в бесконечной пустоте и беззвучии пространства. Я ощущал вокруг только пустоту, и больше ничего. Ребяческий страх побудил меня вытащить из кармана пистолет, который я всегда ношу с собой по вечерам после ограбления в Ист-Провиденсе. Потом из бесконечного далека возник, мягко расширяясь, звук, едва различимый, слегка вибрирующий и, несомненно, музыкальный. И все же он одолевал безмолвие, и я всем своим существом ощутил сладкую муку. Такое чувство возникает порой, когда нечаянно проведешь ногтем по матовому стеклу. Одновременно возникло нечто сродни холодному сквозняку. Движение воздуха шло оттуда, где слышался отдаленный звук. Затаив дыхание, я чувствовал, что звук и ветер нарастают. Мне показалось, будто я, связанный, лежу на рельсах, и на меня надвигается огромный локомотив. Я обратился к Тиллингхасту, и все видения сразу исчезли. Теперь я снова видел рядом человека, машину и тускло освещенную мансарду. Тиллингхаст с презрением глядел на револьвер, который я невольно

вытащил из кармана, но по выражению его лица я догадался, что он слышал и видел то же, что и я, если не больше. Я шепотом рассказал ему о своих ощущениях, и он попросил меня не двигаться с места и настроиться на максимальное восприятие.

– Не двигайся, – повторил он, – в этих лучах не только мы видим, но видят и нас. Я сказал тебе, что все слуги ушли, но не сказал, как они ушли. Глупая толстуха экономка включила внизу свет, хоть я просил этого не делать, и в проводах возникла ответная вибрация. Она, вероятно, была в ужасе: до меня доносились снизу ее вопли, хоть я одновременно слышал и видел запредельное. Позднее я обнаружил лишь грудку ее тряпья – крайне неприятное зрелище. Тряпье валялось в передней, возле выключателя, потому-то я и догадался, что она нарушила мой приказ. Вот так все слуги и пропали. Но пока мы не двигаемся, мы находимся в относительной безопасности. Помни, мы проникли в жуткий мир, где мы совершенно беспомощны... Не двигаться!

Шок открытия и резкая команда парализовали мою волю, и я, к своему ужасу, обнаружил, что снова воспринимаю впечатления из «потустороннего», как выразился Тиллингхаст, мира. Теперь я попал в водоворот звуков и перемещений. Перед глазами у меня мелькали искаженные картины. Я видел смутные очертания мансарды, но из какой-то неведомой точки пространства в нее проникал клубящийся столп неразличимых форм или облаков. Он проходил сквозь массивную крышу справа от меня. Потом снова возник эффект храма, но на сей раз колонны устремлялись в океан света, и слепящий луч из поднебесья скользил вдоль ранее возникшего клубящегося столпа. И вот все завертелось калейдоскопом, и мне показалось, что я вот-вот растворюсь или каким-то образом утрачу форму тела в этой мешанине звуков, видов, неосознанных впечатлений. Но одно видение навеки врезалось мне в память. На мгновение передо мной возникло ночное небо и в нем – сияние вращающихся сфер. Внезапно вспыхнуло целое созвездие сверкающих солнц. Эта галактика имела определенную форму – форму искаженного лица Крофорда Тиллингхаста. Потом мимо меня пролетели какие-то исполинские живые существа, и вдруг я почувствовал, как иные существа проходят или проплывают сквозь мое, казалось бы, плотное тело. По-моему, Тиллингхаст смотрел на них: его натренированные чувства позволяли ему улавливать их визуально. Я припомнил его высказывание насчет шишковидной железы и гадал, что открывается его сверхъестественному взору.

Неожиданно передо мной возникла сильно увеличенная картина. Над хаосом тени и света формировалось нечто последовательное и определенное, вполне узнаваемое. Все необычное в ней накладывалось на обычное, земное, словно кинокадр на цветной театральный занавес. Я увидел лабораторию в мансарде, электрическую машину и прямо перед собой – неприятное лицо Тиллингхаста, но все остальное пространство было плотно заполнено. В отвратительном беспорядке перемешались живые и неживые формы, каждый знакомый предмет окружали мириады неведомых, чуждых существ. Мне показалось, что все знакомые предметы входят в состав незнакомых и наоборот. Среди существ преобладали черные и желтоватые монстры, вяло колебавшиеся в такт вибрации машины. Самое неприятное, что их здесь было видимо-невидимо, и меня приводила в ужас способность этих полужидких существ перекрываться, как и способность к взаимному проникновению и проникновению в то, что мы считаем плотной

материей. Они никогда не пребывали в покое, а непрерывно перемещались с какой-нибудь злонамеренной целью. Порой казалось, что они поглощают друг друга: нападавший набрасывался на жертву и в то же мгновение ее уничтожал. Вспомнив про бесследное исчезновение несчастных слуг, я невольно содрогнулся и уже не мог избавиться от этой мысли, пытаюсь наблюдать свойства вновь открывшегося мне мира, незримо окружающего нас. Но вот Тиллингхаст, не спуская с меня глаз, заговорил снова.

– Ты видишь их? Скажи, ты видишь их? Ты видишь сущности, проплывающие возле тебя и сквозь тебя каждое мгновение твоей жизни? Ты видишь создания, образующие то, что люди именуют чистым воздухом и голубым небом? Стало быть, мне удалось сломать барьер: ведь я показал тебе миры, которые еще не наблюдал ни один смертный!

Сквозь жуткий хаос до меня донесся его торжествующий вопль, и я взглянул в лицо безумца, когда он с вызовом приблизил его ко мне почти вплотную. Его глаза полыхали огнем, и теперь я понимаю: то была беспредельная ненависть. Машина назойливо жужжала.

– Ты полагаешь, эти движущиеся сущности стерли с лица земли слуг? Дурак, они совершенно безобидны! Тем не менее слуги исчезли, не так ли? Ты пытался остановить меня, ты лишил меня веры в свои силы, когда я больше всего нуждался в ободрении и поддержке. Ты боялся вселенской космической правды, проклятый трус, и вот теперь ты в моих руках! Что унесло неведомо куда слуг? Почему они так громко кричали? Не знаешь? Вот так-то! Но ты скоро узнаешь. Смотри на меня, слушай, что я говорю. Неужто ты и впрямь полагаешь, что существуют такие понятия, как пространство и время? Неужто веришь, что существует форма или материя? Так знай же – я проник в такие глубины, что ты своим крошечным умишком и вообразить не можешь. Я заглянул в беспредельность и согнал сюда звездных демонов. Я подчинил себе стихии, перемещающиеся из одного мира в другой, сея смерть и безумие. Пространство принадлежит мне, понимаешь? За мной охотятся некие сущности – те, что поглощают и растворяют, но я знаю, как улизнуть от них. Они поглотят и растворят тебя, как уже проделали это со слугами. Ага, зашевелились, дорогой сэр? Я предупредил тебя, что двигаться опасно, своей резкой командой я спас тебе жизнь. Я спас тебя, чтобы ты увидел побольше и выслушал меня. Пошевелись ты, они бы сразу на тебя набросились. Не беспокойся, они не причинят тебе вреда. Они не причинили никакого вреда и слугам. Бедняги увидели их и подняли крик. Мои любимцы красотой не блещут, но ведь они родом из других мест, а там эстетические стандарты очень отличаются от наших. Дезинтеграция – совершенно безболезненный процесс, уверяю тебя, но я хочу, чтобы ты их увидел. Я видел их мельком, но я знаю, где положить предел. А тебе любопытно это зрелище? Я всегда знал: нет, ты не ученый. Что, дрожишь? Дрожишь от нетерпения увидеть сущности из потустороннего мира, которые я открыл? Тогда почему ты застыл на месте? Притомился? Ну ладно, не беспокойся, мой друг, они уже направляются сюда... Смотри, смотри, будь ты проклят, они над твоим левым плечом.

Мой рассказ подходит к концу, но, возможно, вы знаете развязку из полицейской хроники в газетах. Полицейские услышали выстрел в старом особняке Тиллингхаста, и обнаружили там нас обоих. Тиллингхаст был мертв, я – без сознания. Они арестовали меня, потому что я держал в руке пистолет, но через три часа освободили, установив, что Тиллингхаст скончался от апоплексического удара. Я же стрелял в смертоносную машину, и теперь она валялась, разбитая, на полу в лаборатории. В своих показаниях я многое утаил, опасаясь, что следователь все равно мне не поверит. Исходя из моих уклончивых ответов, медицинский эксперт заключил, что меня загипнотизировал мстительный, одержимый мыслями об убийстве маньяк.

Мне бы так хотелось поверить доктору. Если бы я мог отбросить навязчивые мысли про воздух вокруг меня, про небо над головой, моя расшатанная нервная система восстановилась бы очень быстро. А теперь я нигде не чувствую себя в одиночестве, нигде не нахожу покоя, и вместе с усталостью холодком по спине закрадывается в душу отвратительный страх, что меня преследуют. А поверить доктору мешает один простенький факт – полиция так и не обнаружила тела слуг, убийцей которых признали Крофорда Тиллингхаста.

Перевод: Людмила Биндеман

2000 год